

ФЕНОМЕН ДЕАНТРОПОЛОГИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Ольга ПОПОВА

Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики.

Институт философии Российской академии наук,
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная,
д. 12, стр. 1;
e-mail: J-9101980@yandex.ru

ОТ ТЕЛЕСНОГО КАНОНА НОВОГО ВРЕМЕНИ К ОСМЫСЛЕНИЮ СОВРЕМЕННЫХ ПРАКТИК БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются особенности телесного канона Нового времени, оказавшие влияние на современные практики биотехнологического конструирования человеческого тела. Показано, что в Новое время инструментальное отношение к человеческому телу приобретает внесакральный характер. Основные черты телесного «канона», выявляемые в эпоху Нового времени, с одной стороны, указывают на тело как на отторгаемый, презираемый материальный объект, который обретает свою значимость лишь в связи с ответственной целеполагающей деятельностью разума, с другой, придают ему ценность, рассматривая его как неотъемлемую составляющую человеческого достоинства. Последовательный либерализм, рассматривающий тело как индивидуальную ценность и отстаивающий право свободного распоряжения им, предоставляет человеку возможность инструментализировать и коммодифицировать его разными способами, придавая ему товарную цену, но одновременно дисконтируя в качестве моральной ценности. Сделан вывод о том, что современный этап развития научного знания во многом способствует углублению противоречия между ценой и ценностью человеческого тела.

Продемонстрировано, что современный телесный канон связан с инструментализацией телесности, приобретающей особый технологический характер. Кроме того, коммерциализация научного знания, свидетельствующая о глобальном распространении тенденций биокапитализма, придаёт новые черты уже сложившемуся телесному канону.

С одной стороны, происходит пошаговая легитимизация и легализация тела и его частей в качестве товаров. С другой, в тех же правовых и этических дебатах происходит своеобразное «возвращение» человеку его отчуждённого тела, которое выражается в установлении процедур, призванных обеспечить защиту его личностной воплощённости.

Ключевые слова: тело, телесный канон, биотехнологическое конструирование, интимные технологии, техновзгляд, человек-на-чипе, технологический взгляд, биотехнологии, биокапитализм, коммодификация

Особенности телесного канона Нового времени

Значение эпохи Нового времени определяется прежде всего начавшимся процессом индивидуализации человека. Его самопонимание теперь в меньшей степени определяется осознанием собственной зависимости от Абсолюта (Бога). Человек чувствует себя освобождённым от сакрального, автономно распоряжающимся собственным телом.

Индивидуализация телесности, разрыв её зависимости от Бога (как Средневековья) и от космоса (как в эпоху Возрождения) свидетельствуют о десакрализации телесности. Со временем это способствует тотальному распространению социальных практик, в основании которых лежит инструментальное, собственническое отношение к телу. Тело подвергают обучению, муштре, лечению, тренировкам, дисциплинированию, эксплуатации через труд и т. д.

Основные черты телесного канона, выявляемые в эпоху Нового времени, характеризуют тело как отторгаемый, презираемый материальный объект, который обретает свою значимость лишь в связи с ответственной целеполагающей деятельностью разума. Обретение близости к самому себе, обретение полноты идентичности лишь через разум лишает полноты бытия телесность и мир с его телами.

Вспомним, например, об идеях Дж. Локка, прекрасно демонстрирующих особенности телесного канона Нового времени, с его чётким разделением понятий «человек» и «личность», с одной стороны, и акцентирующих внимание на фундаментальных аспектах восприятия телесной идентичности и сущностных характеристиках человеческого тела [2]. Идентичность человека связана с единством его витальной жизни, передаваемой различным частицам его телесной материи в соответствии со структурой и соединением органов. Идентичность личности основывается исключительно на сознании. Осмысление телесности также задаётся экономической трактовкой человека в качестве субъекта, который реализует себя в деятельности.

В контексте новоевропейской либеральной парадигмы достоинство человека предполагает обладание некоторой собственностью, которой распоряжается человеческая личность. Первичной и наиболее фундаментальной собственностью является человеческое тело, в социальном плане выражающее себя в «труде» и в результатах этого труда.

Философские идеи Дж. Локка противостояли патриархальному мышлению, с его избытком притязаний по отношению к индивиду. «Индивидуальное тело ещё не воспринималось в патриархальном обществе в качестве собственно индивидуальной ценности. Оно было общественным достоянием, частью коллективного носителя, выражающего мощь рода, общины или какой-то иной социальной группы. Выход за пределы патриархального общества изменяет подобное восприятие. Становясь хозяином своей судьбы, своего имущества, своего тела, человек в последовательно либеральной позиции приобретает права делать со всем этим всё, что он хочет» [6, с. 243].

Линия рассуждений о телесности как собственности вычерчивается ещё с эпохи античности. Платон в «Государстве» подчёркивал, что моральное поведение граждан должно обеспечиваться социальным порядком, характеризующимся процессом тотального обобществления, за исключением тела – единственного достояния, понимаемого в качестве собственности. Обобществлённое тело – залог мирного сосуществования граждан в государстве. Однако осознание тела в качестве единственной собственности разрушается у Платона самой общественной практикой, тотальным надзором в государственном механизме за телами подданных. Тело граждан государства фигурировало в качестве декларируемой, но фактически мифической собственности, подвергаясь процессу обобществления (в демографическом и педагогическом аспектах).

У Локка же тело осознаётся в качестве орудийного аспекта свободы, оно предстаёт во внесакрализованном пространстве рациональной экономической деятельности и символизирует собой возможность её разворачивания. Локковская концепция прав человека, разработка им понятий автономии и ответственности в современном либеральном пространстве мысли становится очевидным подспорьем в дальнейшей философско-теоретической аргументации (в частности, при разрешении различных биоэтических дилемм, связанных с биомедицинской объективацией телесности).

Итак, парадигма обладания телом, инструментального распоряжения им, находя свои истоки в картезианстве, а точнее, в так называемом медицинском взгляде на тело, обретает свою полноту и завершённость в философии Дж. Локка: создав особую онтологию западного человека в качестве потребителя, она происходит из локковского права на распоряжение собственным телом и выражается в особо трепетном отношении к тому, что составляет собственность человека, являющуюся плодами деятельности его тела. В то же время это право касается лишь

полноценной личности (чья идентичность связана с единством самознания) и не затрагивает тех, кто не смог перейти от тождества человека к тождеству личности (что в радикальном выражении позволяет проводить разницу между полноценными дееспособными человеческими существами и не дотягивающими до них по определённым телесным критериям, а потому легитимно лишёнными морального участия).

В Новое время инструментальное отношение к человеческому телу приобретает внесакральный характер. Основные черты телесного «канона», выявляемые в эпоху Нового времени, с одной стороны, указывают на тело как отторгаемый, презируемый материальный объект, который обретает свою значимость лишь в связи с ответственной целеполагающей деятельностью разума, с другой, придают ему ценность, рассматривая его как неотъемлемую составляющую человеческого достоинства.

Последовательный либерализм, рассматривающий тело как индивидуальную ценность и отстаивающий право свободного распоряжения им, предоставляет человеку возможность инструментализировать и коммодифицировать его разными способами, придавая ему товарную цену, но одновременно дисконтируя в качестве моральной ценности. Современный этап развития научного знания во многом способствует углублению противоречия между ценой и ценностью человеческого тела. Свободный обмен результатами исследований становится вторичным по отношению к частным интересам. Учёный, находясь в ожидании прибыли от внедрения инноваций, может быть не заинтересован в следовании нормам традиционной морали и ригористическим требованиям этики науки и зачастую обходит их, отдавая предпочтение законам рынка.

Процесс коммодификации органично вписывается в общекультурный проект конструирования человека и его биотехнологического улучшения. Естественная данность человеческого тела и полученных из него биоматериалов превращается в артефакты, биологические образцы, продукты знания и технологий, в вещи, которые можно продать и распространить на рынке. Современная наука интенционально превращает человеческую телесность в артефакт, конструирует из естественного – технологическое. В технологической перспективе человеческая природа становится лабильной: её презентуют, модифицируют, очищают, улучшают в различных вариациях, репрезентируя биологические субстанции и части человеческого тела – то как объект исследования, то как патент, то как высоколиквидный товар. Всевозможные результаты биотехнологического конструирования требуют создания соответствующей социальной среды, где они могут быть легализованы, «одомашнены». Как полагают Х. Новотны и Дж. Теста: «Есть вещи, которые человек дарит, другие – продаёт, а есть вещи, которые нельзя ни продать, ни подарить, но лишь сохранить, чтобы передать в дар. Это одна из причин, по которой, согласно французскому антропологу М. Godelier, в рыночно ориентированных сообществах необходимо спросить, какая

из вещей или какое из социальных отношений должны оставаться вне рынка. Это понятные идеи и принципы. Но сейчас на рынок устремляются другие “вещи”. Необходимы законы для установления должного места в обществе для эмбрионов, химер и других гибридных сущностей, генов и геномных последовательностей, а также процессов, в которых эти “вещи” преобразуются или заново создаются и производятся. Биологические сущности должны быть трансформированы в юридические, одомашненные сущности... Необходима регуляция социальных отношений, которые ранее не существовали» [18, р. 68].

Телесная идентичность человека, представленная в биоматериалах или в виртуализированных аналогах, наполняющих цифровые базы данных, является неотъемлемым свидетельством востребованности в эпоху развития геномики, биоинформатики, телемедицины и др. областей знания. Базы данных тесно связаны между собой и образуют сеть «голых» цифровых репрезентаций человеческих тел, которые напрочь лишены качеств живого, чувствующего индивида, но и биоматериалы зачастую оказываются не более живыми, будучи также лишены персонализации и представая в сознании учёного всего лишь как объект для исследования, материал для патентования и получения прибыли.

Вместе с тем традиционное самопонимание человека как телесно воплощённой личности продолжает оказывать серьёзное влияние и на научное сообщество, и на общество в целом. В результате возникает порождающее социальные конфликты напряжение между двумя полюсами самоидентификации современного человека: быть телом (воплощённой личностью) и обладать телом как средством манипулятивного воздействия. Тело всё чаще фигурирует в роли «возражающего» актора, зачинщика конфликтов, в процессе разрешения которых происходит коэволюционное преобразование социальных структур и статуса тела как предмета научного исследования.

Специфика биотехнологического преобразования человеческого тела

Возникновение инструменталистского отношения к своему телу является собой одновременно и акт освоения (и присвоения) субъектом своей телесности, и акт «освоения» тела в различного рода социальных практиках. Особым модусом этого освоения является приписывание телу характеристик механистического устройства. Тело уподобляется инструменту, механизму, машине в познавательных целях или же в целях эксплуатации, абстрагируясь от персональной «нагрузки» телесности. Особым модусом этого освоения является приписывание телу характеристик товара, материала для научных опытов и действия различных практик биотехнологического конструирования. Так рождаются депер-

сонифицированные тела. Они максимально инструментализируемы и функциональны. Предел максимализма – потеря лица, превращение тела в биологическую машину.

Военная, школьная и больничная дисциплина, уставы и кодексы поведения в совокупности с подогнанным под них миром вещей – школьных парт, больничных кроватей, армейских коек – «закрепляют» наше понимание того, что наши тела, да и мы сами – не что иное, как социальные конструкции, артефакты, а человек в целом – не только нечто данное, но ещё и заданное: культурой, обществом, технической средой. Они являются и продолжениями его существа, и одновременно социальными константами, детерминирующими его существование. Человек находится в процессе непрерывного самопреобразования, включаясь в бесконечный процесс социальных интеракций. Как социальная конструкция он определён целями и ценностями своего сообщества, предопределяющими его к исполнению той или иной социальной роли, подобно тому, как вещь предназначена к выполнению той или иной функции. XIX век отчётливо показывает простую истину: нет бесполезных тел, есть тела, не сформированные дисциплиной для определённой деятельности, тела не обученные. Тела дисциплинированные – это прежде всего тела послушные. Подчинение, дисциплинирование тела оправдывается идеей преобразования и усовершенствования.

Современность усваивает и усиливает эту истину на свой прагматический лад: улучшение, расширение человеческих тел в производственных целях станет делом особых технологий улучшения, модуляции человеческих качеств, их расширения и улучшения (“enhancement”), результатом применения биотехнологий. В связи с их появлением возникает активное обсуждение вопросов следующего характера: можем ли мы менять генетический профиль человека, чтобы он стал более выносливым и стрессоустойчивым, то есть качествами, которые особенно востребованы в определённых секторах занятости, или можно ли применять особые стимулирующие лекарственные средства с целью повышения производительности труда, по своему действию в десятки раз превышающие эффект кофеина (например, среди хирургов, проводящих сложные многочасовые операции), или же использовать когнитивные усилители, стимуляторы мозга в тех видах занятости, которые выглядят малопривлекательными или требующими огромной концентрации?

Развитие современных биотехнологий привело к похожему социальному эффекту: у современного человека возник запрос (желание, потребность) созидания принципиально новых тел, эффективное функционирование которых обеспечивается органами, тканями других живых или умерших тел (благодаря развитию трансплантологии), половыми клетками (например, заимствованными из банков спермы или яйцеклеток), модифицированными бактериями и вирусами.

Рассмотрю конкретный пример, связанный с созданием биочипа для исследования лекарств на клетках человеческого тела. Технологии, впоследствии получившей название «человек-на-чипе».

На чипе моделируются несколько функциональных органов, которые непосредственно взаимодействуют с введённым лекарством или веществом, участвуют в его транспорте и метаболизме. Технология «человек-на-чипе» в определённом смысле является идеальной моделью человека как испытуемого, как безличного, не сопротивляющегося объекта, тела, не испытывающего боли и страданий и серьёзных последствий от побочных эффектов действия препарата и при этом предоставляющего релевантные для науки результаты. Чип имитирует естественную среду обитания клеток. «Виртуальный человек на чипе», состоящий из конвейера различных органов, связанных между собой жидкостной средой, имитирующей субстанции человеческого тела, являя собой пример успеха инженерной мысли, одновременно наталкивает на мысль об успешности проекта человека-артефакта. С одной стороны, его назначение состоит в воссоздании достаточной функциональности для получения более точных прогнозов относительно рисков применения тех или иных лекарственных препаратов, с другой, речь идёт о создании персонифицированных чипов, индивидуальных артефактов, если можно так выразиться, биотехнологических аватаров, позволяющих заместить живое чувствующее тело искусственными аналогами, для осуществления различных биомедицинских манипуляций. Кроме того, технологии «человека-на-чипе» могут позволить воссоздавать на чипах коллективные тела, размещать на них клетки представителей тех или иных наций и тем самым в человеческой популяции оценивать национально обусловленные специфические побочные реакции на лекарства, обусловленные генетическими различиями. Чип порождает беспрецедентно новый тип телесности: сформированный клетками человеческих органов, он одновременно являет собой пример реализации модели тела-без-органов, тела как динамической биологической среды, очищенной от эволюционного сформировавшихся систем человеческого организма. Это тело максимально функционально и инструментализируемо и в высшей степени непонятно. Чип интересен не только своими функциями, безусловно, важными для развития биомедицины и её гуманизации. Технология «человек-на-чипе» для широкой публики выступает ещё и олицетворением игры воображения, творческой мощи бессознательного адептов синтетической биологии, конструирующих не существующие в природе биологические системы на основе объединения научного знания и инженерии, экспериментирующих с жизнью и смертью. Такое отношение вырабатывается в научно-популярной прессе, где самой технологии присваиваются такие звучные названия, как «гомункул-человек на стекле», «живой киборг для опытов» и др.

Если дисциплинарное общество приравнивало человека к элементу серии, несущему общественно полезную функцию, к механизму исправно работающей социальной машины, приносящей прибыль и сулящей благо социальному целому, или являющемуся источником удовольствия, то современные биотехнологии изменили инструментальное отношение человека к собственному телу, которое всё же задавалось социокультурным аспектом жизнедеятельности. В результате «техники тела» как результат внешнего социокультурного преобразования биологического субстрата (телесности) постепенно трансформируются в техники тела как результат симбиоза жизни и технологии.

Естество наших тел приобретает черты артефакта в своего рода соревновании между культурой и природой. Однако природа, «живое», сегодня всё больше покрывается нестираемым следом человеческого присутствия, становясь объектом конструирования и фактически технического дизайна: «Сегодняшние биологические объекты (животные, микробы, культуры клеток и т. д. и т. п.) представляют собой запатентованные изделия (артефакты или “чистые линии”) биотехнологических компаний, обладающие нужными генетическими и иными свойствами» [7, с. 9]. Естественность человека всё сильнее отторгается фактором биотехнологического вмешательства.

При этом применение биотехнологий подразумевает работу со сложным «характером» живого материала, с невозможностью точного предсказания рисков, обусловленных его поведением: «...изготовление следует понимать как ограниченный в своей контролируемости процесс. Когда учёный сообщает общественности о том, что он “вырезает ген” из генома одного организма и “встраивает” его в геном другого для получения желанного эффекта, то за метафорами механического манипулирования прячутся сложные биологические процессы инфицирования, размножения клеток, отбора материала, обладающего нужными свойствами т. д. и т. п. Био-инженер – это не ремесленник, а скорее крестьянин, “вирусовод” и селекционер полезных ошибок природы (мутаций)» [9, с. 128].

Сущность биотехнологических процессов состоит в их непредсказуемом «поведении», проявлении таких свойств, которые традиционно закреплялись за действующим лицом (субъектом). И если в новоевропейском телесном каноне тело инструментализуемо рационально действующим субъектом, последовательно применяющим свои практики в различных локусах социальной жизни, то теперь тело захвачено в тиски технологической реальности, активно выполняющей роль утраченного субъекта и вытесненной или редуцированной рациональности. Конвергенция этой реальности с живым человеческим телом приводит к формированию новых образов телесности, разрушающей любые мыслимые представления: гибридной, химерной, недоступной для понимания калькулирующего разума.

Инструментализация человеческого тела с помощью технических приборов и использования биотехнологий смещает процесс конституирования субъективности в область конструирования его телесности средствами биотехнологий. Современный человек сталкивается с проблемой невозможности абсолютной идентификации человека. Его тождество обретается на границе с миром искусственных объектов. Однако уже сейчас эта граница может проходить внутри его тела. Возникает своеобразный эффект интимизации технологической реальности.

Интимизация как фактор технологической объективации тела

В 2013 году в исследовательском центре Нидерландов Институте Ратенау, где проводятся исследования, связанные с социальной оценкой развития и применения новых технологий, была издана книга голландского философа Rinie van Est «Интимные технологии: битва за наши тела и поведение». В марте 2014 года по итогам реализации проекта «Интимные технологии» Институт Ратенау опубликовал доклад «Интимные технологии: битва за наши тела и поведение» [17].

Rinie van Est предложил антропоцентричную классификацию технологий, выделив четыре их типа: «технологии в нас», «технологии о нас», «технологии между нами», «технологии, подобные нам» [17]. К первому типу относятся: RFID чипы, электронные пилюли, кохлеарные имплантаты, глубокая стимуляция мозга, искусственные органы по обеспечению равновесия, искусственная сетчатка. Они расположены в теле человека либо воздействуют на человеческие органы, их действие направлено внутрь.

Ко второму типу («технологиям о нас») относятся: GPS, считыватели RFID, камеры, Google Streetview, ДНК-чипы, МРТ-сканирование, сенсоризаторы сердцебиения и температуры тела. Эти технологии фиксируют определённые физиологические параметры, могут предоставить информацию о местонахождении человека, о совершённых им действиях. Они как бы наблюдают за человеком, за разными аспектами его физического присутствия в мире. Технологии «между нами» – это социальные сети Facebook, Foursquare, Grindr, дополненная реальность (Google Glass). Эти технологии находят применение во взаимодействиях между людьми, существенно трансформируя формат социальных отношений, сближая людей во времени и пространстве, изменяя их социальную идентичность в виртуальном мире. К «технологиям, подобным нам» относятся реальные виртуальные миры, Chatbots, электронный коучинг, технологии, создающие гуманоподобных роботов.

Описанные технологии являются телесно-ориентированными. Они могут размещаться в человеческом теле, делать его объектом анализа и получения данных (в частности, медицинских), подражать ему своими внешними характеристиками (быть гуманоподобными), подстраиваться под физические параметры человеческого тела и т. д.

Технологии всё быстрее становятся современным фетишем, тотемом прогрессивного человечества. Однако если в древности изображение тотема напоминало человеку о его первоистоках, то в свете развития трансгуманистических идей таким тотемом, наделённым сверхъестественными свойствами, напоминающим постчеловеку о его первопричине, может, например, стать компьютер или подобные технологические устройства. Технологический фетиш, как и классический фетиш, – это не просто вещь, это динамическая реальность, обладающая особой магической силой, запускающей возможность проектирования человека.

Современным технологиям предоставляется роль не просто внешней детерминанты человеческого развития, но, видимо, своего рода «априорной» формы чувственности, задающей новые масштабы восприятия мира и своего места в нём. Развитие упомянутых «интимных» технологий влияет на преобразование формата интимности, её трансформацию, вызывая, как полагает Rinie van Est, приход интимно-технологической революции [17] (интимной – в смысле чрезвычайной близости технологий и человека).

«Интимные» технологии «всматриваются» в человека определённым образом, фокусируя внимание на отдельных фрагментах, параметрах его существования, следя за изменением температуры тела или сахара в крови, за его социальной репрезентацией (как это делают социальные сети), за его физическим присутствием в мире и связанными с ним динамическими характеристиками (как это делают камеры), вглядываясь в него «постчеловеческими» глазами эротических объектов и т. д.

Инструментализация и проблема техновзгляда

Взгляд Другого является фундаментальной причиной, конституирующей субъекта, в то время как потенциальным следствием отсутствия взгляда является расширение границ субъективности до пределов, сливающихся со стихией жизни, со стихиями Природы. Взгляд способен выступить основанием морального отношения.

Современность заставляет осмыслить новую проблему – проблему «техновзгляда». Под ним подразумевается феномен приписывания технике (например, гуманоидным роботам) функции Другого, наблюдающего за человеком. Побочным следствием такого наблюдения может стать широкий спектр эмоциональных реакций и даже определённое этическое поведение. Камера, следящая за человеком, неким

образом выстраивает его поведение, может тормозить и, наоборот, провоцировать определённые эмоциональные реакции; программное обеспечение, подсказывающее субъекту, каким образом он должен осуществить свой выбор товаров и услуг, предлагающее новинки, запоминающее его предпочтения, – это всё примеры работы «техновзгляда», действие которого зачастую оказывается не менее сильно, чем действие живого взгляда, брошенного человеком. Именно техновзгляд становится соучастником и творцом человеческой истории, проникая в самые интимные области человеческой жизни и оставляя о них видеосвидетельства.

Что же происходит в реальном мире с действием аргумента взгляда?

Взгляд робота, имитирующий взгляд человека, может вызвать беспокойство и тревогу, но также и безразличие, и радость, и даже восхищение. В реальном мире воздействие взгляда парадоксально: не всякий человеческий взгляд или образ человеческого тела вызывает у нас моральное чувство, мы можем игнорировать эстетически непривлекательные объекты или такие образы живых существ, которые способны вызвать у нас отвращение. И если «аргумент взгляда», направленный на человека, не всегда срабатывает, то всё сильнее заявляет о себе аргумент техновзгляда. В число тех, из-за которых он не прекращает своё действие, могут входить все, кто по каким-то параметрам отклоняется от социальной нормы, от модных эталонов человеческих существ, наполняющих пространство массовой культуры.

Взгляд технического устройства (робота), казалось бы, ни к чему не обязывает. Однако замешательство и беспокойство, которое он вызывает, способны стать предвестниками появления в дальнейшем морального ответа. Вместе с роботами люди зачастую испытывают глубокие чувства, о которых, возможно, они позабыли или в которых разочаровались в человеческом сообществе. Между техническим устройством и человеком возникают тесные эмоциональные связи. Поэтому электронные собаки или роботы-младенцы становятся объектами повышенного проявления нежности и внимания.

Почему срабатывает аргумент техновзгляда? Возможно, потому что мы чувствуем, что мы и есть роботы. Прекрасный юмористический ответ даёт в этой связи Д. Деннет. Вспоминая о самореплицирующихся макромолекулах, из которых состоит наше тело, Деннет заявляет: «Больше нет серьёзных оснований сомневаться в том, что мы – прямые потомки этих самореплицирующихся роботов. Мы млекопитающие, а все млекопитающие произошли от рептилий, предками которых были рыбы; предками же рыб были морские создания, довольно похожие на червей, которые в свою очередь произошли несколько сотен миллионов лет назад от более простых многоклеточных созданий, а те произошли от одноклеточных созданий, произошедших около трёх миллиардов лет назад от самореплицирующихся макромолекул» [1, с. 21]. Подводя итог,

он шутливо замечает: «Скажем яснее: ваша пра-пра... бабушка была роботом!» [1, с. 21]. Из этого можно сделать столь же лаконичный этический вывод: давайте уважать наших прабабушек! Роботов.

Если же попытаться перейти к прогностическому вектору данной тенденции, то выяснится, что мечта о единении человечества может осуществиться в контексте биоцентристской парадигмы, но не потому, что мы все живые существа, а постольку, поскольку каждый из нас является роботом, поскольку внутри каждого из нас где-то звучит голос: об уважении к первопредку своего тела. К роботу.

Роботофилию можно расценивать как новый вид (псевдо)гуманизма в условиях, когда человек тяготится присутствием другого человеческого существа, когда Другой оказывается слишком сложен и обременителен для общения. И здесь аргумент «от первопредка», сформулированный Деннетом, оказывает значительное подспорье: человеческое существо любит роботов, поскольку, вглядываясь в себя, любит себя. Не будем выносить суждения о сложности онтологической архитектуры такого себя. Роботофилия – это один из пределов реализации новоевропейского телесного канона. Здесь тело (робота) предельно пассивно, его функционирование полностью завязано на воле рационального субъекта, оно предельно инструментализируемого.

Итак, взгляд вносит фактор дезинтеграции в человеческое существование. Дезинтеграции с окружающим миром, собой и другими людьми. «Быть увиденным-другим» означает быть схваченным как объект мира, как вещь, подлежащая оценке и взвешиванию, однако «быть увиденным-другим» является возможностью, способной пробудить в Другом моральную реакцию, заставить его взгляд подняться до уровня понимания человеческого существа как этической вещи, отличной от вещей окружающего мира. Техновзгляд, как ни странно, способен выполнять эту же функцию, пробуждая голос совести, принуждая его к долгу, представляя объектом желания... Здравый смысл, однако, порождает следующие вопросы: будет ли человек, способный полюбить робота или виртуальную подругу, глядя ему в глаза, ревновать его, чувствовать злость и досаду или страдание? Будет ли он испытывать удовольствие от нахождения под взглядом?

Вездесущность технологического взгляда приводит к неактуальности и даже излишеству человеческого взгляда, с его ошибками, искажёнными оценками, неизлечимой пристрастностью. Технике предоставляют выносить суждения о картине реальности, с которой она сталкивается, и фактически об онтологическом месте человека в этой реальности.

В 1999 г. на конференции MobiCom-99 (Сиэтл, США) было выдвинуто предложение о развитии информационных технологий на основе концепции ProActiveComputing. В ней был сделан акцент на развитии компьютерных технологий как автономной, фактически самозамкнутой системы, не нуждающейся в человеке. Как отмечает Ганс Малдер, заме-

ститель директора Intel Research, «...при proactive-вычислениях, которые должны стать одним из главных направлений использования компьютеров в будущем, компьютер будет сам предугадывать наши нужды и самостоятельно действовать в наших интересах. ... Проще говоря, если нынче компьютеры – это наши “рабы” (которые нам беспрекословно повинуются и терпеливо ждут наших указаний), то в будущем компьютеры станут нашими “дворецкими” (возможно, с определённой степенью строптивости), которые в определённой мере будут предугадывать нужды своих хозяев и даже навязывать им определённые действия в соответствии с существующими правилами “этикета” и “церемониала”, а также руководствуясь принципами “заботы о нашем здоровье”» [3]. Развитие концепции ProActiveComputing, таким образом, связано с предоставлением пользователям обширного набора услуг при минимальном контроле человека, вплоть до полного «исключения» человека, лишения его автономии в управлении системой [19].

Концепция ProActiveComputing конгруэнтна современной технократической идеологии, разделяемой различными направлениями трансгуманизма. В её основе лежит стремление усовершенствовать человека технологическим путём. Её целью, однако, становится не столько совершенный человек, сколько доведение до совершенства технологии и выход в постчеловеческое состояние, преодоление человека как такового. Интимизация технологической реальности, речь о которой шла выше, является лишь предварительным этапом сближения технологий и человека – этапом освоения технологий, однако следующий этап уже связан с освоением человека, человек рискует оказаться незначимым звеном в технологической экспансии, звеном, которое будет сметено в процессе технологической эволюции.

Современную технику учат не только мыслить, но и чувствовать. Интимные технологии оказываются телесно-ориентированными не только в том смысле, что они демонстрируют особую близость технологии к человеческому телу, достигающую в идеале неразличимости между естественным и искусственным, но и в том, что они ещё и развиваются, ориентируясь на образ человеческого тела, на создание его аналога, обладающего огромным диапазоном восприятия. Классический пример – это разрабатываемые для современных компьютеров сенсоры и сенсорные сети, являющиеся проекцией человеческого тела (и в равной степени являющиеся редуцированной человечностью, отнимающей человека у человека).

Поразительный масштаб контроля над человеческим телом, который открывается благодаря новейшим достижениям в области биомедицины, масштаб, создающий перспективу превращения тела в артефакт, продукт технологического развития, успешно коррелирует со столь же поразительным масштабом гуманизации технологических роботизированных тел. Их наделяют всё большими степенями свобо-

ды, всё более широким диапазоном сенсорного восприятия, всё более сильными когнитивными характеристиками. О них грезят как о живых, целостных бессмертных телах, куда, согласно алармистским заявлениям современных трансгуманистов, может быть впоследствии перенесено сознание человека. Они вглядываются в роботизированного биологической природой и социальными детерминантами человека всё более гуманоподобным взглядом. В виртуальной реальности мы фактически конституируем Другого, одновременно конституируя себя. Аналогично выглядит дело с гуманоподобными роботами. Мы осуществляем двойное конституирование, настраивая себя на восприятие их как вещи, которая больше, чем вещь, техника, которая больше, чем техника.

Заключение

Современный телесный канон является производным от телесного канона Нового времени. Он фундирован на инструментализации человеческой телесности, её репрезентации в качестве пассивного биологического материала, которым удобно манипулировать и который удобно использовать в качестве материала для преобразования и улучшения (например, в дисциплинарных практиках). В то же время он существенно иной. Во-первых, инструментальность тела особым образом технологизирована, вынуждена иметь дело с жёсткими константами технологического мира, со сформированной сетью технологических артефактов и испытывающим его влияние образом мышления современного человека. Во-вторых, особые характеристики современного телесного канона связаны с трендом коммодификации. Так, коммерциализация научного знания, свидетельствующая о глобальном распространении тенденций биокапитализма, придаёт новые черты уже сложившемуся телесному канону.

С одной стороны, происходит пошаговая легитимизация и легализация тела и его частей в качестве товаров. Вместе с тем в тех же правовых и этических дебатах происходит своеобразное «возвращение» человеку его отчуждённого тела, которое выражается в установлении процедур, призванных обеспечить защиту его личностной воплощённости.

Как отмечают Х. Новотны и Дж. Теста: «Биология с её редуccionистским подходом, разрывает отношение между целым и частями, но закон должен их реставрировать» [18, р. 68]. Сопряжение этих, казалось бы, исключаящих друг друга тенденций оказывается возможным благодаря установлению (социальному конструированию) границы между телом как «фактом» и телом как «артефактом» а также конструированию социально выработанных правил, задающих понимание отличия между телом как товаром и телом как ценностью, собственностью, на которую направлен модус защиты гражданских свобод. И если распространив-

шийся в различных локусах социальной жизни тренд коммодификации направлен на лишение тела лица, персональной нагрузки человека, то мораль и право призваны её возвращать.

Список литературы

1. Деннет Д. Виды психики. На пути к пониманию сознания. М.: Идея-Пресс, 2004. 184 с.
2. Локк Дж. Два трактата о правлении / Пер. с англ. Е.С. Лагутина и Ю.В. Семёнова. М.; Челябинск: Социум, 2014. 494 с.
3. Научные исследования в Intel – подробности о некоторых технологиях будущего. URL: <http://www.ferra.ru/ru/system/s25980/> (дата обращения: 05.03.2016).
4. Попова О.В. «Быть телом» или «иметь тело», «быть проектом» или «иметь проект» // *Философия и культура*. 2015. № 3. С. 438–445.
5. Попова О.В. Человек как артефакт биотехнологий. М.: Канон+, 2017. 336 с.
6. Разин А.В. Этика: учебник для вузов. М.: Академический Проект, 2004. 624 с.
7. Тищенко П.Д. Машина как антропопроекция (зонд) // *Рабочие тетради по биоэтике*. Вып. 17. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2013. С. 4–46.
8. Тищенко П.Д. На гранях жизни и смерти. Философские исследования оснований биоэтики. СПб.: Миръ, 2011. 328 с.
9. Тищенко П.Д. Человечество: фортуна, риск и игра (опыт эсхатологии) // *Биоэтика и гуманитарная экспертиза*. Вып. 5. М.: ИФ РАН, 2011. С. 108–148.
10. Флюссер В. О проецировании / Пер. М. Степанова // *ХОРА*. 2009. № 3/4 (9/10). С. 65–76.
11. Фролов И.Т. Этика науки. Проблемы и дискуссии. М.: Либроком, 2009. 256 с.
12. Энафф М. Маркиз де Сад. Изобретение тела либертена. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2005. 447 с.
13. Эшттейн М.Н. Философия тела // *Эшттейн М.Н. Философия тела. Тульчинский Г.Л. Тело свободы*. СПб.: Алетейя, 2006. С. 9–194.
14. Юдин Б.Г. Медицина и конструирование человека // *Знание. Понимание. Умение*. 2008. № 1. С. 12–20.
15. Юдин Б.Г. Человек и машина: «интимные связи?» // *Рабочие тетради по биоэтике*. Вып. 18: Человек – NBISмашина (философско-антропологические и биоэтические исследования) / Под ред. П.Д. Тищенко. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. С. 103–118.
16. Юдин Б.Г. Человек как объект технологических воздействий // *Человек*. 2011. № 3. С. 5–20.
17. Est R. van. Intimate technology: The battle for our body and behavior / With assistance of V. Rerimassie, I. van Keulen, G. Dorren. The Hague: Rathenau Instituut, 2014. 86 p.
18. Nowotny H., Testa G. Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. 144 p.
19. Venter L., Olivier M.S., Britz J.J. Interactive to Proactive: Computer Ethics in the past and the future. URL: <http://mo.co.za/open/proactive.pdf> (дата обращения: 11.04.2016).

PHENOMENON OF THE DEANTHROPOLOGISATION OF MAN

Olga POPOVA

PhD in Philosophy, Leading Researcher, Head of the Department of Humanitarian Expertise and Bioethics. RAS Institute of Philosophy, Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: J-9101980@yandex.ru

FROM THE BODY CANON OF MODERN TIMES TO THE COMPREHENSION OF MODERN PRACTICES OF BIOTECHNOLOGICAL DESIGN

The article deals with the corporal canon of the Modern Era, which influenced modern practices of biotechnological design of the human body. It is shown that in modern times the instrumental attitude to the human body acquires an extra-sacral character. The main features of the corporal “canon”, revealed in the Modern Era, on the one hand, point to the body as a rejected, despised material object, which acquires its significance only in connection with the responsible goal-setting activity of the mind, on the other, give it value, treating it as an integral part of human dignity.

Consistent liberalism, considering the body as an individual value and upholding the right to freely dispose of it, provides a person with the opportunity to instrument and commodify it in various ways, giving it a commodity price, but at the same time discounting it as a moral value. Author concludes that the modern stage of development of scientific knowledge in many ways contributes to deepening the contradiction between the price and value of the human body.

It is demonstrated that modern corporal canon is associated with the instrumentalization of corporality, which acquires a special technological character. In addition, the commercialization of scientific knowledge, which attests to the global spread of biocapitalist tendencies, gives new features to the already existing body canon.

On the one hand, there is a step-by-step legitimization and legalization of the body and its parts as goods. On the other hand, in the same legal and ethical debate, there is a kind of “return” to a person of his alienated body, which is expressed in the establishment of procedures designed to protect his personal embodiment.

Keywords: body, body canon, biotechnological design, intimate technologies, technical view, human-on-a-chip, technological view, biotechnology, bio-capitalism, commodification

References

1. Dennett, D. *Vidy psikhiki. Na puti k ponimaniyu soznaniya* [Types of Psyche. On the Way of Understanding Consciousness]. Moscow: Ideya-Press Publ., 2004. 184 pp. (In Russian)
2. Epshtein, M. "Filosofiya tela" [Philosophy of the Body], in: M. Epshtein, *Filosofiya tela* [Philosophy of the Body], G. Tul'chinskii, *Telo svobody* [The Body of Freedom]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2006, pp. 9–194. (In Russian)
3. Est R., van. *Intimate technology: The battle for our body and behavior*. With assistance of V. Rerimassie, I. van Keulen, G. Dorren. The Hague: Rathenau Instituut, 2014. 86 pp.
4. Flusser, V. "O proetsirovanii" [About Projection], trans. M. Stepanov, *KhORA*, 2009, No. 3/4 (9/10), pp. 65–76. (In Russian)
5. Frolov, I. *Etika nauki. Problemy i diskussii* [Ethics of Science. Problems and Discussions]. Moscow: Librokom Publ., 2009. 256 pp. (In Russian)
6. Hénaff, M. *Markiz de Sad. Izobretenie tela libertena* [Marquis de Sad. Invention of Liberten's Body]. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2005. 447 pp. (In Russian)
7. Locke, J. *Dva traktata o pravlenii* [Two Treatises of Government], trans. E. Lagutin & Yu. Semenov. Moscow, Chelyabinsk: Sotsium Publ., 2014. 494 pp. (In Russian)
8. *Nauchnye issledovaniya v Intel – podrobnosti o nekotorykh tekhnologiyakh budushchego* [Scientific Research in INTEL – Details of Some Technologies of the Future]. [<http://www.ferra.ru/ru/system/s25980/>, accessed on 05.03.2016]. (In Russian)
9. Nowotny, H. & Testa, G. *Naked genes: Reinventing the human in the molecular age*. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. 144 pp.
10. Popova, O. "«Byt' telom» ili «imet' telo», «byt' proektom» ili «imet' proekt»" ["To Be a Body' or 'To Have a Body', 'To Be a Project' or 'To Have a Project'], *Filosofiya i kul'tura*, 2015, No. 3, pp. 438–445. (In Russian)
11. Popova, O. *Chelovek kak artefakt biotekhnologii* [Man as the Biotechnologies Artefact]. Moscow: Kanon+ Publ., 2017. 336 pp. (In Russian)
12. Razin, A. *Etika* [Ethics]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2004. 624 pp. (In Russian)
13. Tishchenko, P. "Chelovechestvo: fortuna, risk i igra (opyt eskhatologii)" [Mankind: Fortune, Risk and Play (Experience of Eschatology)], *Bioetika i gumanitarnaya ekspertiza* [Bioethics and Humanitarian Expertise], Vol. 5. Moscow: IF RAN Publ., 2011, pp. 108–148. (In Russian)
14. Tishchenko, P. "Mashina kak antropoproektsiya (zond)" [Machine as anthropoprojection (sonde)], *Rabochie tetradi po bioetike* [Workbooks on Bioethics], Vol. 17. Moscow: Moscow University for the Humanities Publ., 2013, pp. 4–46. (In Russian)

15. Tishchenko, P. *Na granyakh zhizni i smerti. Filosofskie issledovaniya osnovanii bioetiki* [On the Brink of Life and Death. Philosophical Studies of the Foundations of Bioethics]. St. Petersburg: Mir Publ., 2011. 328 pp. (In Russian)

16. Venter, L., Olivier, M. S. & Britz J. J. *Interactive to Proactive: Computer Ethics in the past and the future*. [<http://mo.co.za/open/proactive.pdf>, accessed on 11.04.2016]. (In Russian)

17. Yudin, B. “Chelovek i mashina: «intimnye svyazi?»” [Man and Machine: “Intimate Relations?”], *Rabochie tetradi po bioetike*, Vol. 18, ed. P. Tishchenko. Moscow: Moscow University for the Humanities Publ., 2014, pp. 103–118. (In Russian)

18. Yudin, B. “Chelovek kak ob”ekt tekhnologicheskikh vozdeistvii” [Man as an Object of Technological Influence], *Chelovek*, 2011, No. 3, pp. 5–20. (In Russian)

19. Yudin, B. “Meditsina i konstruirovaniye cheloveka” [Medicine and Human Engineering], *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2008, No. 1, pp. 12–20. (In Russian)